

СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА
Дело № ПРОКУРОРА

*Непридуманные
истории*

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Александр
ЗВЯГИНЦЕВ

— — —

ПОД СЕТЬЮ И МЕЧОМ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Звягинцев, Александр Григорьевич.

3-45 Под сетью и мечом / Александр Звягинцев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Секретная папка прокурора. Непридуманные истории).

ISBN 978-5-699-92127-0

В новой книге Александра Звягинцева собраны необычные истории, каждая из которых — тень недавнего прошлого с его правителями, кумирами, злыми гениями и «серыми кардиналами». Острый взгляд писателя сумел задержать уходящее мгновение и приоткрыть завесу политических тайн и на шумевших событий. Интриги государственного масштаба минувших лет были настолько сильны и непредсказуемы, что их отголоски ощущаются и в наши дни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звягинцев А.Г., 2016
ISBN 978-5-699-92127-0 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

МИНИСТР НА ДОВЕРИИ. ДЕЛО СУХОМЛИНОВА

Август 1917 года. Первая мировая в разгаре. Российская империя, сломанная заговорами и революцией, лежит в развалинах. Будущее страны скрывается в непроглядной мгле. А в Петрограде, в главном зале Офицерского собрания, идет судебный процесс. И какой! За ним следит весь изнемогающий от бесконечной войны мир.

Это было уникальное дело — перед судом присяжных глава военного ведомства Владимир Сухомлинов. Казнокрад, взяточник, немецкий шпион — таков набор обвинений. Если докажут измену — бывшего царского министра ждет смертная казнь.

Большой бальный зал Офицерского собрания армии и флота России не случайно был избран для слушания дела. Величественные интерьеры

ры этого здания вызывали чувство парадности, торжественности. И для того чтобы обставить эти слушания с наибольшей помпой, продемонстрировать, что законность в новой, «свободной» России куда сильнее старой, царской, лучшего места было не найти...

Правда, время было для этого не самое подходящее. Страна стремительно погружалась в хаос и разруху. Свои законы диктовала вооруженная толпа.

А ведь два года назад все было иначе.

Весной 1915 года на Юго-Западном фронте пала австрийская крепость Перемышль. Русские войска взяли турецкий Сарыкамыш. Армия Брусилова заняла основные перевалы в Карпатах... Гигантские победы! В стране необыкновенное воодушевление. По улицам Петрограда шествовали патриотические демонстрации, торжествующие победу. Демонстранты подходили к квартире Сухомлинова и приветствовали военного министра как победителя...

Они, конечно, не могли подозревать, что в эти же дни министр юстиции, он же генерал-прокурор империи Иван Щегловитов, получил донесение о серьезном государственном преступлении в Ставке Верховного главнокомандующего, бросающем тень и на самого военного министра Владимира Сухомлинова.

Щегловитов оказался перед тяжелейшим выбором. Все-таки идет война, а тут вдруг обнаружены факты, которые ставят под удар армию...

И все-таки, поколебавшись, он направляет в Ставку товарища (заместителя) прокурора Петроградской Судебной палаты Жижина.

В сведениях, полученных генерал-прокурором, речь шла о шпионской деятельности в пользу Германии полковника Сергея Мясоедова, ближайшего помощника военного министра Сухомлинова...

Мясоедов был военным переводчиком в отделе разведки 10-й армии. Той самой, которая потерпела серьезное поражение в феврале 1915 года. Значительная часть ее центральных корпусов попала в окружение и была уничтожена немцами. Российские войска были выбиты из Восточной Пруссии, чего не ожидал никто. Это был гром среди ясного неба. Поползли слухи — предательство и измена... Виновника всех бед нашли мгновенно — Мясоедов! Кто еще так часто разговаривал с врагом, как не военный переводчик? Кто имел доступ к военным тайнам, как не офицер разведки?

18 марта 1915-го в Варшавской цитадели по делу Мясоедова начал работу особый военно-полевой суд. Уже вечером судьи огласили приговор — осужден как немецкий шпион. Через несколько часов Мясоедова повесили.

После поражения 10-й армии в начале 1915 года в России поднялась настоящая волна шпиономании. Она стремительно охватила общество. Все требовали немедленной расправы над проклятыми шпионами. Их искали на фрон-

те, среди коммерсантов, журналистов и дипломатов. В столице громили немецкие магазины, выискивали людей с немецкими фамилиями, которых в России было великое множество. Под подозрение попал даже символический глобус, который венчал башню торгового дома «Зингер» в Санкт-Петербурге. В народе возникли досужие домыслы, что внутри этого стеклянного глобуса находится секретный радиопередатчик, который всю информацию прямо отсюда, из северной столицы, передает в германский Генеральный штаб. Причин для этих слухов не было никаких, кроме фамилии владельца торговой компании — Зингер. Почему-то считалось, что компания принадлежит немцам. На самом деле «Зингером» владели американцы. Но несчастный глобус это не спасло. Самые недоверчивые граждане все же проникли внутрь конструкции. Передатчика, правда, не нашли...

Пока повсюду искали изменников, вспомнили одну старую историю. Мясоедов тогда служил начальником жандармского отделения Петербургско-Варшавской железной дороги. Находилось оно в Вержболове. В то время это была пограничная станция между Россией и Германией, довольно важный пункт. Станция не простая, и пост не простой. По долгу службы Мясоедов имел право свободно передвигаться по обе стороны границы: встречал и провожал важных государственных сановников и обеспечивал их досуг.

Рядом находилось имение кайзера Вильгельма Второго, который приезжал туда на охоту. Пограничные русские власти традиционно представлялись монархам соседнего государства.

Общество страстного охотника Мясоедова пришлось кайзеру по душе. Он не раз приглашал полковника на обед и даже провозглашал в его честь тосты. Во время суда над Мясоедовым одним из доказательств было то, что у него нашли портрет Вильгельма Второго с надписью императора.

Был ли Мясоедов шпионом? Историки спорят об этом до сих пор. Но сомнений нет в том, что полковник злоупотреблял служебным положением и частенько нарушал закон: помогал нелегально переходить границу и переправлять контрабандный товар. Конечно же, за хорошую мзду. Его неподобающее для сотрудника спецслужбы поведение, склонность к коррупции привели к тому, что в 1912 году Мясоедова с позором выгнали из департамента полиции. Казалось бы, дорога на государственную службу была закрыта навсегда. Но только не для него. У него были покровители на высоких должностях.

Бывший жандарм пишет письмо военному министру Сухомлинову. Они знакомы давно, еще с довоенных времен. Тогда Сухомлинов был генерал-губернатором Киева. Их связывали общие дела, а жена полковника, Клара Мясоедова, дружила с госпожой Сухомлиновой. Министр решил помочь старинному приятелю и начал

продвигать Мясоедова на приличные должности в военное министерство. Его предупреждали, что не надо этого делать. Предупреждало МВД, которое изгнало Мясоедова из своих рядов, однако министр заверил императора, что на Мясоедова можно положиться. Пообещал, что тот не будет иметь доступа к секретным документам. И... вскоре он своим приказом создал при министерстве Особое бюро якобы для составления отчетов и прояснения ситуации о революционной пропаганде в войсках. Туда он и посадил Мясоедова начальником разведки. Хотя премьер Столыпин говорил, что «этому человеку ни в коем случае нельзя доверять никакую ведущую должность, тем более такую высокую». Но Сухомлинов убедил императора...

На новом месте Мясоедов пользовался полным расположением министра. Он мог запрашивать информацию и в военной контрразведке, и в разведке, и в департаменте полиции. Что и зафиксировано было в ходе расследования по обвинению Мясоедова в шпионаже. В основном он собирал сведения в штабе контрразведки той самой 10-й армии, которая потерпела катастрофическое поражение в феврале 1915 года.

Естественно, что после суда над Мясоедовым взоры обратились на Сухомлинова.

На основании рапортов, полученных из Ставки, генерал-прокурор Щегловитов начал служебное расследование о связи должностного лица с врагом государства. Довести дело до

конца он не успел — сместили. Его преемник на посту генерал-прокурора Алексей Хвостов считал своим долгом докладывать обо всех материалах, связанных с Сухомлиновым, самому императору.

Хвостов обратил внимание государя на особую важность фактов, указывающих на связь бывшего военного министра с врагом. Но Николай Второй вскоре вернул эти материалы без всякой резолюции.

Дело в том, что император искренне уважал Сухомлинова — ценил за преданность короне и прежние заслуги. Да и что сказать — герой Балканской войны, кавалер Георгиевского креста, командир эскадрона кирасирского его Императорского величества лейб-гвардии полка, генерал-губернатор Киева, начальник Генштаба Российской империи... Солидный и внушающий уважение послужной список.

Кроме того, Сухомлинов был по-человечески симпатичен императору. С ним Николаю II было легко. Он умел сочетать почтительное поведение и непринужденную беседу. Легко, с юмором мог говорить с царем о самых сложных и запутанных делах. Когда он приезжал во дворец на еженедельные доклады, их беседы с императором зачастую затягивались. Обычно, если все происходило нормально, император имел обыкновение во время беседы курить. Когда же его настроение менялось, он начинал переставлять на своем столе фотографии и другие

безделушки. Сухомлинов это знал и при малейших признаках раздражения моментально менял тему разговора. Во всем, что бы он ни делал и ни говорил, он умел найти подход к императору и убедить его в своей точке зрения.

Военному таланту министра Николай II доверял безоговорочно. Тем более что в армии шли серьезные реформы и вроде бы весьма успешно.

Многие специалисты считали, что армия к 1914 году будет серьезнейшим образом отличаться от той, какой она была, скажем, десять лет назад во время Русско-японской войны.

27 февраля 1914 года газета «Биржевые ведомости» публикует статью с громким заголовком «Россия хочет мира, но готова к войне!» Статья без подписи, но все понимают, что автор — министр Сухомлинов. Он уже заверил императора, что армия пребывает в полной боеготовности, оставалось убедить в этом общественность. Сухомлинов расписывал новейшие изобретения, используемые в войсках, например, телефонную связь в каждой роте... Из статьи следовало, что Россия не победить в приближающейся войне не может.

Но в действительности все оказалось далеко не так благостно. Той же телефонной связи в каждой роте не было. А что уж говорить про радиосвязь, радиостанции!.. Не было, например, броневиков, очень плохо обстояли дела с авиацией.

Уже на второй год войны русские войска терпят одно поражение за другим. Они вынужде-

ны отступать под градом снарядов немецкой артиллерии, ведь отвечать было нечем — к тому времени большая часть российского арсенала израсходована. Со всех позиций доносился стон — «Дайте снарядов!» Это был крик души русских офицеров. Уже в 1915 году фактически до 70 процентов офицерского состава кадровой армии было выведено из строя, погибли целые гвардейские полки...

Кто несет за это ответственность? Конечно, военный министр! Тот самый, что хвастал готовностью и поставил рядом с собой германского шпиона? А может, он и сам шпион?..

Столица гудела как растревоженный улей. То и дело находятся «свидетели» шпионских вылазок министра Сухомлинова. Говорили, что он, переодевшись то ли в крестьянина, то ли в кучера, ходил на какие-то конспиративные квартиры к какому-то немецкому инженеру... Это же полный бред! Прямых доказательств ни у кого не было, но поражения требовали отмщения. Общественное мнение значило уже многое — просто игнорировать его было нельзя в накалившейся атмосфере.

Известный депутат Милюков, которого называли «Цицероном Государственной думы», произнес тогда свою знаменитейшую фразу: «Что это — глупость или измена?» Всем было понятно: «Измена».

Сухомлинову припомнили все. И прежде всего, что он, министр, принял Мясоедова на служ-

бу, несмотря на заявленные ему предостережения, сообщал ему секретные сведения, подолгу беседовал, поддерживал с полковником дружеские отношения.

Пресса подняла шум: немецкий шпион — протеже военного министра!

Кроме того, Сухомлинова обвиняют в преступной халатности и сознательном бездействии — не обеспечил армию самым необходимым! Что ж, надо признать, — непринятием должных мер он фактически способствовал тому, что русская армия осталась без боеприпасов и без крупнокалиберной артиллерии в самый разгар боевых действий.

Николай II в создавшейся ситуации был вынужден принять меры. В июне 1915 года Сухомлинов получает от государя письмо, в котором тот извещает его об отставке с поста военного министра. Но при этом письмо носит очень доброжелательный характер, в нем говорится, что только под стечением обстоятельств император вынужден сделать этот шаг, а сам Сухомлинов остается всецело в памяти императора как порядочный, добросовестный воин и доблестный товарищ.

Но отставкой дело не кончится. «Ввиду соблюдения достоинства судебной власти» он был арестован. Это случится в начале апреля 1916 года. Но сделать это было очень нелегко.

Здесь надо сказать, что назначенный еще предшественником Хвостова для расследования

прокурор Жижин, хотя и проводил расследование под наблюдением Ставки, но полученные указания начальства выполнял четко — направлял секретные донесения Щегловитову, а после отставки Ивана Григорьевича его преемнику. Последний доставлял эти рапорты на высочайшее усмотрение.

Представив очередной рапорт, Хвостов обратил внимание государя на особую важность приведенных в нем фактов, указывающих на связь бывшего военного министра с врагом. Но Николай II вскоре вернул эти материалы без всякой резолюции. Когда игнорировать «изменнические действия» Сухомлинова стало уже невозможно, была образована Верховная следственная комиссия, состоящая из членов Государственной думы и Государственного совета.

Комиссия работала ни шатко ни валко. Создавалось впечатление, что правительство пытается тормозить дело. Однако улики были настолько вескими, а преступление Сухомлинова настолько тяжким, что Хвостов добился назначения официального следствия, которое по его выбору производил сенатор Кузьмин, чья «чистота и самостоятельность» считались бесспорными.

К началу 1916 года генерал-прокурору стало ясно, что необходимо арестовать Сухомлинова. Он доложил дело новому председателю Совета министров престарелому Борису Штюрмеру. Тот вначале засомневался в целесообразности такой жесткой меры, но когда Хвостов припугнул того